

Николай Полевой "Малороссия" ("Московский телеграф", 1830, № 17–18")

(1796 - 1846)

Русская радикальная платформа с удовольствием представляет вниманию читателя работу видного общественного деятеля, публициста и историка начала XIX века **Николая Полевого** с обстоятельным разбором и ныне актуальной проблемы. В работе "**Малороссия**", представляющей собой рецензию на книгу Бантыш-Каменского Д.Н. "История Малой России" Николай Полевой подробно обосновывает, что русские и украинцы или, как их тогда называли, великорусы и малорусы, являются двумя разными народами, как с политической, так и с этнической и культурной точек зрения.

Уникальность и ценность этой работы заключается в том, что написана она не украинским или малороссийским «самостийником», а великорусским националистом и радикалом, убежденным «москвитом» из сибирской купеческой семьи. На страницах своего закрытого цензурой журнала «**Московский Телеграф**» Николай Полевой излагал взгляды, которые с

полным основанием можно назвать буржуазным национализмом, считая именно «третье сословие» основой настоящей нации и будучи благодаря этому красной тряпкой для дворянско-имперских кругов.

Полевой и его единомышленники не успели в свое время выдвинуть полное концептуальное изложение своих взглядов отдельной идейной программой, облечь своё мировоззрение в виде "дорожной карты" или просто "партийной программы". До запрещения и разгона журнала "Московский Телеграф" оригинальные и "самородковые" мысли великоросских глашатаев буржуазного национализма были оставлены (в разброс) в различных местах выпусков этого проекта. Сегодняшним поколениям, имея тематический интерес, остаётся лишь с нуля штудировать и систематизировать это наследие.

Можно лишь выделить сразу, т.е. беглым взором, несколько интересных умозаключений. Остальные ждут своего часа и переоткрытия. Из рокового выпуска, послужившего поводом закрытия, выписки графа С.С.Уварова: «...что, если бы среди обширной столицы кто-нибудь вышел на площадь и стал провозглашать пред толпою народа о необходимости революций, о неосуждении всеобщности революций; что явления нидерландской революции прекрасны, что Россия, хитрою политикою разжигая раздоры и смуты, во всяком случае выигрывала пред Польшею; что ещё Разумовский согревал в душе тайную мысль о свободе Малороссии; что жители Приволжья и Придонья совершенно чуждые нам и то же, что колонисты или цыгане; что наше правительство ежегодно ссылает в Сибирь по 25 тысяч человек на железном канате; что французы теперь равны один другому и что во Франции теперь всё ведет ко всему».

В пику Николаю Карамзину и его «Истории государства Российского» Полевой взялся составить «Историю русского народа», которую, к сожалению, так и не успел завершить, написав лишь 6 томов из задуманных 12-ти. Популярнейший на тот момент журнал Полевого «Московский Телеграф» был закрыт, а он сам обвинен в распространении крамолы, якобинства и сепаратизма, став тем самым первым русским националистом, заслужившим такое обвинение от имперской пропаганды и администрации.

Да, на фоне других представителей радикального лагеря вроде Белинского и Герцена, которым также было не чуждо русское национальное самосознание — вопреки мифу охранителей о радикалах как русофобах, Полевой был последовательным русским националистом. При этом он был именно этническим русским или великорусским националистом, противостоя в качестве такового химере имперской «русскости», стремящейся к распространению на все народы империи и их «русификации». В первую очередь это касалось, конечно, украинского народа или малороссов, как их тогда называли, которых казенные патриоты пытались представить как «один народ» с этническими русскими, великорусами. В своей работе Полевой как не только историк и теоретик, но и как великоросс и сибиряк, своими глазами видевший Украину, изучавший ее на месте и много видевший украинцев, разоблачает этот миф.

Михаил Назаренко писал, что для Николая Полевого малорусский миф был лишь мифом, вину за создание которого он возлагал на Карамзина: ведь, согласно "Истории Государства Российского" (в пересказе редактора "Московского телеграфа"), Малороссия "была Россия и теперь Россия; вся разница, что там течет Ворскла, а близ Москвы Ока; что там говорят не чистым Русским языком, а у нас чистым" (изложение построений Карамзина).

Полевой предлагал признать, что Малороссия никогда не была "древним достоянием" России (опять слова Карамзина): эту страну завоевали — как англичане Шотландию и Ирландию. "Мы обрусил их аристократов, помаленьку устранили местные права, ввели свои законы, поверья <...> но за всем тем обрусить туземцев не успели, так же как Татар, Бурятов и Самоедов", ... "В сей народности мы видим только два основных элемента древней Руси: веру и язык, но и те были изменены временем. Все остальное не наше: физиогномия, нравы, жилища, быт, поэзия, одежда".

Стоит ещё заметить, что Полевой не был классическим и академическим ученым. И прибегал в умопостроениях к окружавшей и царившей тогда терминологии, понятийным схемам и воззренческим подходам, имевшим литературное хождение в начале - первой половине XIX века в самодержавной России. А потому при ознакомлении с ними, сталкиваясь с неточностями историко-описательного характера (с точки зрения современного взгляда), следует делать на это скидку. Но при всём этом его размышления и выводы, открыто публиковавшиеся непродолжительное время для грамотной русской публики, звучат нетривиально на фоне централизаторских и унификаторских тенденций самодержавной внутренней политики.

Так, специфику Украины он объяснял не холопским онемечиванием или ополячиванием прежней «Малороссии», как это было принято считать среди казенных патриотов-охранителей, а наоборот ее оказачиванием. Собственно, именно из феномена казачества Полевой и выводит этническую самобытность украинского народа, в чем позже с ним согласился его полный идейный антагонист Николай Ульянов.

При этом важно, что в отличие от той категории современных русских националистов, которые признают русских и украинцев разными народами и на основании этого обращают против последних ненависть или обвиняют их в воровстве русских территорий, Полевой не делает ни того, ни другого. Он с явной симпатией относится к украинцам и даже местами допускает критические нотки в отношении русских, сравнивая два народа, но как сибиряк и великоросс понимает естественное отличие от южан-украинцев русских как народа с северной основой - «чистых славян» как он их называет или, как мы уже знаем сегодня на основе имеющихся генетических и археологических данных, народа, замешанного на балто-фено-скандском субстрате. Также Полевой описывает естественные этнографические границы украинцев как весьма обширные в пику тенденции среди современных русских националистов низводить их до Западной или максимум Правобережной Украины. Впрочем, последнее тогда было

очевидно для любых этнографов, занимавшихся разграничением внутри Империи великорусских и малороссийских губерний и территорий.

Наконец, он критикует воззрение, согласно которому украинский язык является ополяченным русским, напротив считая, что это живой и естественный народный язык, у которого была своя языковая и закономерная эволюция. В том числе он сетовал на нехватку правильно выстроенной литературы на современном ему народном малороссийском (украинском) языке, рассуждая о том, что текстовые построения староукраинской речевой стилистикой уже не выражает саму народную сущность. То есть, как великорус он опередил в подобных размышлениях даже украинских шевченковцев и т. н. «письменников».

Это лишь краткий и субъективный обзор интересных, особенно для его эпохи тезисов. Ну, а выводы из прочитанного каждый будет делать сам.

07.12.2019 г.,

Сибирь - Богемия

Николай Полевой "Малороссия"
("Московский телеграф", 1830, №17-18"
Малороссия; её обитатели и История.)

Отзыв на книгу

История Малой России. Сочинение Д.Н. Бантъш-Каменского.
3 части. М. 1830 г. в тов. Селивановского.

№17, стр 74

Чем отличается История от Летописи? Ряд событий, записанных самовидцами, или потомками, по слуху, по преданиям, без разбора, как что было, в хронологическом порядке – вот Летопись. Что же История? – Спрашиваем, не говоря о Форме, в какой тот или другой историк ее излагает. Пусть явится История в романическом рассказе Баранта, или дидактическом изложении Гизо; пусть делит части своего сочинения историк, как Робертсон, как Гиббон, как И. Миллер – система составляет душу Истории, этого отчета памяти уму. Материалы, сущность событий, критический разбор того и другого, выводы, все должно быть предварительно по системе поверено историком; самое изложение историка должно быть следствием сущности предмета, определенной систематическою проверкою. Как Провидение, как судьба, смотрит после сего историк на избранное им, от начала до окончания взятого периода, или от средоточия до границ предположенного предмета. Часть событий, вынутая из бесконечного продолжения жизни Человечества, будет ли сия часть определена временем, или развитием событий, страна какая-либо, предмет общественной жизни, даже один человек – могут быть предметом Истории. В следствие сего, может быть написана История, не только государства, но области и города.

Однако, первое условие наше с историком должно быть после сего то, чтобы государство, область, город, человек, словом – предмет им избранный, представлял нечто отдельное, нечто жившее своею, более или менее резкою, жизнью; иначе История быть не может. Возьмем из Русской Истории Новгород и Смоленск. Какая яркая жизнь может осветить особую Историю Новгорода! Историю Смоленска, напротив, едва ли должно писать отдельно. Всегда в системе других, окружавших его, более сильных соседей, всегда не-самобытный, Смоленск покажет нам цепь событий; но, или вся История Русская и Литовская должны вместиться в нее, представляя карлу с исполинскою головою, или мы получим в древних временах сухое исчисление Князей, а окончим его исчислением Губернаторов, правивших Смоленском с открытия Наместничества до нашего времени. И так, История частная какой-нибудь области, или города, вошедших в последствии в состав государства, требует отдельной жизни. Из сего явно, что и все условия Истории частной, должны быть в сем случае те же, что Историй целого государства, и даже целого мира. При частном предмете, историк должен первоначально, с величайшею точностию, обозначить себе пределы своего предмета. Важное дело!

Историю Новгорода начнет он, например, с самого пришествия Варягов и кончит 1478-м годом: далее Новгород не существовал; он начал жить общею жизнью Руси: его История кончилась. Следует сущность предмета. Историк соблюдет всю полноту её: он покажет, как началась «увеличивалась, сокращалась и погибла отдельная жизнь Новгорода. Он введет для сего обширными очерками жизнь древней Руси вообще, Литвы, Ливонских Крестоносцев, даже Ганзейского Союза, но все в отношении, Новгорода, объяснит части, составлявшие Новгород: Финские народы, самих Новгородцев, разнообразные области Новгорода; он объяснит нам душу Новгородцев, их законы, мнения, силу и бессилие, постепенную отдельность их от остальной Руси, место, природу места, где был Новгород. Остальная История Новгорода, с 1478-го года, будет у историка тенью древних ярких красок. Он приведет нас на самые развалины Новгородские, и скажет, что ныне стало с местами, коих жизнь описана им. Так для нас любопытна бывает участь гробницы замечательного человека; так с умилением читаем мы надпись на гробе Шуйского, сказывающую нам, что гроб сего несчастного Царя 23 года был в плену Польском.

Приложим соображения наши к Малороссии. Идите от Москвы на юг, и вы увидите, что, постепенно находя изменения, за Десною и Сью вы перешли к народу, совершенно отличному от нас, чистых Руссов. Язык, одежда, облик лица, быт, жилища, мнения, поверья — совершенно не наши! Скажем более: на нас смотрят там донныне неприязненно. Имя: Москвитянин (Москаль) показывает отчуждение наше от туземцев. Имя: Казак, которым гордится туземец, говорит вам, что он не считает вас своим земляком. Это — Малороссия.

Такое географическое, донныне сохранившееся различие, в то время, когда Правительство, Формы управления, аристократия Малороссийская слились с нами, когда, одним словом, все следы политической самобытности Малороссии совершенно изглажены, явно показывает вам, что долго и сильно жила отдельною от России жизнью Малороссия. Вы хотите знать предания Малороссиан; вы узнаете поэтические были их, читаете летописи их; рассматриваете Исторические материалы, и удостоверитесь, что Малороссия достойна Истории: она дополняет несколько черт к Истории Человечества, и без участия Русской Истории заслуживает наше изучение.

После сего нет уже надобности объяснять: как должна быть писана История Малороссии. Условия те же, которые мы объяснили выше. Сущность предмета разовьет объем, части, слог Историка.

Донныне История Малороссии не была написана. Не говорим о нескольких компиляциях, составленных Малороссиянами, Русскими и иностранцами. Это летописи, неверные и безобразные. Таковы находящиеся в рукописи: Записки Шафопского, История Руссов, исправленная Конисским, Описание Симоновского, Повествование Ригельмана, Описание Зарульского, еще несколько безыменных летописей; таковы и печатные: Летописец, изданный Рубаном, Летописец, напечатанный Туманским. Назвав их материалами, требующими строгой проверки критической, прибавим, что материалы для Истории Малороссии заключаются, кроме того, в драгоценных актах, хранящихся в наших Архивах. Миллер и, родитель Историка Малороссии, Н. Н. Бантыш-Каменский разбирали, сличали сии материалы; опыты их занятий остались рукописные, и отчасти напечатаны. Другой род материалов находим у Польских и других иностранных писателей. Таковы; драгоценное Description d'Ukraine, писанное Бонпланом (нап. в Руане, 1660 г.) жившим в Малороссии и Польше, в половине XVII столетия, 17 лет; Histoire de la guerre des Cosaques, сочиненная Шевалье, также служившим в войске Поляков, и напечатавшим свое сочинение в Париже, в 1663 году. Из Польских сочинений, важнейшее Пастория, Bellum Scythico-Cosacicum (Данциг, 1652 г.). Само собою разумеется, что для Истории Малороссийской важны также сочинения Немцевича (Dziele panowania Sygmunta III), Кобержицкого (Ист. Владислава), Несецкого (Korona Polska), Когнобицкого (Жизнь Сапеги), Нарушевича (История нар. Польского, Жизнь Ходкевича), и проч. — Надобно упомянуть, однако о книгах, известных донныне под именем Истории Малороссии. Шерер, Француз, бывший в России, кое-как перевел Рубанов Летописец, и издал его (Париж, 1788 г.), под именем: Annales de la Petite — Russie; компиляция Немца Энгеля издана была в Галле, 1796 года, под громким именем: Geschichte der Ukraine. Лесюр (известный собиратель книги: Annuaire historique) издал в 1814 г., в Париже, Histoire des Cosaques, начиная ее Киммериянами. Г-н Мартов показал нам образчики сочиняемой, или сочиненной уже им Истории Малороссии, в Северном Архиве 1822 и 1823 годов. Мы слышали, что разбор книги Д.Н. Бантыш-Каменского (Сын Отечества, 1823 года, т. VXXXII, 130–138) сочинен был Г-м Мартосом: образчик, и этот разбор не заставляют ожидать многого.

Не будем разбирать материалов: Бонплан, Пастория, Конисский, драгоценны, но требуют критики, сказали мы; сего довольно, и от них более ничего нельзя ожидать. Но Историки Малороссийские донныне принимались за свое дело весьма неловко. Карамзин, в Истории государства Российского, вовсе забыл, кажется, Малороссию, эту важную часть Российского государства с XVII-го века. Доведя свое повествование до начала XVII-го века, он мимоходом упоминал местами о Малороссии, и мы видим, что если бы он дошел наконец до Хмельницкого, то, разумеется, отделался бы также легко, как отделался он от происхождения

Казак (Иста. Г. Р. т.V, стр. 393), т. е. подарил бы нас великолепным рассказом о патриотизме Хмельницкого, и – только. Да и что за надобность до исследований дальнейших? Святослав был Князь Русский, Ярослав тоже, Иоанн III-й тоже: первый ходил под Царьград, второй заводил училища, третий бил Татар; Историк говорит нам это, и его дело кончено; были бы годы верны и рассказ историка хорош. Так и Малороссия. Она была Россия и теперь Россия; вся разница, что там течет Ворскла, а близ Москвы Ока; что там говорят не чистым Русским языком, а у нас чистым. Несколько времени было там что-то в роде бунтовщиков, а потом подчинилось законному владычеству.

Шутки в сторону, а точно так представляли себе Малороссию наши Историки. То, что называлось в последствии Малороссией, говорили они, было ничто иное, как древняя Россия. Киев центр Малороссии, а кто же не знает, что с 880-го по 1169-й год столица Великих Князей Русских была в Киеве? Андрею Боголюбскому вздумалось перенести столицу во Владимир. Пришли Татары, сожгли и истребили все в Южной России. Часть Русских укрылась за Днепровскими порогами, назвалась Черкесами и Казаками, приманила к себе множество беглецов. «Сии-то природные воины, усердные к свободе и к вере Греческой, должныствовали в половине XVII века избавить Малороссию от власти иноплеменников и возвратить нашему отечеству древнее достояние оно» (Карамзин, т.5:395). – Жаль, очень жаль, прибавляют к этому Историки, что Малороссияне не всегда были такого добропорядочного поведения. Когда Самозванец шел к Москве, Малороссийские Казаки «участвовали, к стыду своему, в сем походе», впрочем, «прельщенные золотом Мнишка (Ист. Малой России, т.I, стр. 181). Но, «История, передавая знаменитые подвиги героев, не может «скрывать деяний, помрачающих их славу. Сагайдачный (Гетман Малороссийский) обнажил с «1618 году меч свой против соотечественников». «Он действовал таким образом для личных «выгод, желая удержать за собою Гетманство, приобрел доверие Правительства Польского, справедливую укоризну от потомства» (Ист. М. Р. т.I, стр. 185). нельзя не поблагодарить усердного Немца Энгеля: он снял укоризну, по крайней мере, с самих Казаков, ибо уверяет, что «Сагайдачный был подкуплен за 20,000 гульденов Поляками», а добрые Малороссияне были не виноваты (G. der Ukr. стр. 114). Наконец, Хмельницкий «возвращает нашему отечеству древнее достояние оно».) Несколько бунтовщиков до Мазепы, и злодей Мазепа, занимают еще нас. «После Полтавского сражения История Малороссии «становится приметно незанимательнее. Промежуток от Гетмана Скоропадского до уничтожения Гетманства, кажется, не предоставил «Малороссам занять место гражданства в Царстве Истории» (С. О. 1823, т.LXXXIII, стр. 135). Но язык, нравы, отдельность Малороссиян от нас? Об языке говорят нам, что от 1236 до 1654 года успел испортишься от Польского и Литовского Малороссийский язык, который и без того несколько различался от Северных наречий Русских.

И этим заключается все, что до сих пор говаривали нам о Малороссийской Истории. Отдельность от нас, решительно не наша, особая народность, не замечались, не описывались. В чем они состоят, как составились, об этом и слова не было.

Усердные патриоты не нарадуются только тому, что Россия началась удивительно, славно, не так, как другие государства, и что она всегда имела непонятную силу переплавлять в Русских, в единое целое, все, что к ней ни приставало. Старые отломки, какова Малороссия, спаялись так, что и трещинки не видно; новые верни тоже припаялись столь плотно, что и следа нет.

Отечество наше сильно в могущественно; да будет оно всегда славно и благоденственно! Таковы обеты, таковы чувства, которые разделяю со всеми благомыслящими соотечественниками; но при всем том никак не увлекаюсь я неосновательным патриотизмом, ни в прошедшем, ни в настоящем. Россия началась подобно другим государствам, весьма обыкновенно – Русью, небольшим Нордманнским владением в землях Славянских; из Феодального Нордманнского владения изменилась она в Федеральный союз владений, принадлежавших членам одного семейства; возмущалась междоусобиями сего семейства, дошла от сего до величайшей степени слабости и разрушения. Нашествие Татар было для неё тоже, что для Европы Крестовые походы. Сия

мысль совсем не парадокс, и кто беспристрастно рассмотрит, тот увидит сходство сущности обоих событий, и следствий от них бывших. Христианская религия и Русский язык были единственные скрепы и подпоры Руси.

Религиозное чувство спасло Русь от Татар; оно же восставило Россию после Самозванца. Калита начал, Иоанн III-й кончил соединение Севера Руси, распавшегося на части; Иоанн IV присовокупил к наследию предков земли прежних повелителей своих: степи, с несколькими городами и кочевьями, на них находившимися. Между тем, часть земель, бывших некогда Русскими; именно юг и запад древней Руси, находилась под властью чуждою (Галич, Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк). Сначала Литва, потом Польша, с которою слилась Литва, владели ими, заняв оные во времена Татар. После пробуждения России, когда, не патриотизм, не любовь к свободе, ибо их не знали наши предки, и не усердие к роду Рурика, ибо рода Рурикова тогда уже не было, но, повторим, религиозное чувство спасло Россию, Провидение послало ей благословенный Дом Романовых, из коего явился целый ряд Царей замечательных. Михаил, хотя слабый, хотя более управляемый другими, целил раны России, и уступками спас самобытность её;

Алексий, достойный отец Петра, стал уже крепким бойцом: пользуясь слабостью Польши, отнял Киев, увлек к себе Малороссию, на что не смел еще решиться Михаил. Наконец явился бессмертный Петр; поборол Шведского великана; как Иоанн IV-й, взял что и не принадлежало России, Ливонию, и железною своею рукою укрепил чуждою Нам Малороссию. Преемники следовали по его стопам; наконец, Россия является на те время величайшею, составленною из разнообразных частей, громадою.

Думаю, что сему изображению не станут противоречить, не станут, ссылаясь на Карамзина, утверждать, что Россия была огромным, единодержавным государством со времен Рурика; потом два века управлялась своими удельными Князьями, Происшедшими от ошибки Ярослава; далее подпала игу Татар, при чем цели Провидения, явной, не было, по крайней мере, мы не должны стараться отыскать сию цель. Правило Карамзина известно: «История не терпит оптимизма, и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему, ибо сие мудрование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому (?), для коего она пишется» (Ист. Г. Р. т.V, стр. 380). Наконец, иго Татар свержено, и, мало по малу, все, чем прежде владела Россия, приобретено снова: сперва Малороссия, потом Ливония, затем Белоруссия, и проч.

Оставим подобные выводы «обыкновенному здравому смыслу человеческому, для коего писалась прежде История», и позволим себе быть несколько дальновиднее. Мы объяснили Исторический ход России и обратимся к составу частей её.

В нем также не находится ничего удивительного, ничего такого, чем могли бы мы кичиться перед другими народами. Разве нет государств, которые составлены, так же как Россия, из разнообразных частей? Взгляните на Англию (Ирландия, Шотландия, Ганновер), Швецию (Норвегия), Нидерланды (Бельгия), Австрию (Богемия, Венгрия, Италия, Славянские земли), Турцию (Греция, Албания, и проч.). Но, говорят нам, Россия обладала чудною силою, посредством коей умела сплавить с собою разные части. Право, ничего этого не было. Россия представляет вам два рода составных частей: земли и народы. Сие различие важно и необходимо. Татарские степи и Сибирь мы взяли почти не населенные; отчасти истребили немногих тамошних жителей, отчасти оставили их там прозябать, и они прозябают, так же как Финны, Латыши, Самоеды, Горские народы: одни живут оседло, другие кочуют; мы сами заселили их места и обрусил упомянутые земли (таковы: Северная часть России, Сибирь, Приволжье, Придонье, Крым). Все туземные тамошние народы тоже в отношении нас, что колонисты Немцы, Французы, Цыганы, и другие народы, живущие в России; они наши, но не мы. С областями, которые были некогда Русские (Приднепрье, Волынь), и с областями, которые прежде не были Русскими (Ост-Зейские области, Литва, Финляндия, Малороссия), мы поступили, как обыкновенно поступают победители с завоеванными землями. Мы обрусил их аристократов, помаленьку устранили местные права, ввели свои законы,

поверья, удалили строптивых, сами перемешались с простолюдинами-туземцами, но за всем тем обрусить туземцев не успели, так же как Татар, Бурятов и Самоедов. Политической самобытности у них нет, и быть не может, но опять — они наши, а не мы. Все это делала Австрия с Богемией и Венгрией, Англия с Шотландией и Ирландией). От чего мы успели сделать все это тише, скромнее, и прочнее других? От того, что Венгрия, Богемия, Шотландия были уже государства, самобытно образованные, что побороть их было трудно, и что в борьбу вмешивалось много посторонних обстоятельств, вера, соседи, и проч. и проч. Мы, напротив, заставляли побежденные нами народы на первой степени их гражданского бытия, имели досуг, и — вот вся разгадка мнимой способности переплавлять в Русских все, что ни касалось России. Что за Русские наши дикари, наши Татары, наша Грузия, Малороссия, Белоруссия, Ост-Зейские области, Финляндия? Они прочны нам, исторически и географически — правда; но народность у них своя, местность своя.

Сюда, решительно, причисляем мы Малороссию, и после сих соображений, читатели могут видеть неосновательность и неточность взгляда прежних Историков на Малороссию. Пойдем далее, и скажем, что Малороссия, не сделавшись донине Русью, никогда и не была частью древней Руси, точно так же, как Сибирь и Крым. Что же была она древле? Какая История Малороссии? Постараемся объяснить это кратким образом.

Вовсе несправедливо думают, что Киев был когда-нибудь средоточием, или, лучше сказать, главным пунктом Малороссии. Напротив, Малороссию составляли собственно земли по левому берегу Днепра, от южной части Черниговской до южной границы Полтавской губернии, захватывая к востоку часть Харьковской и упираясь к северу западнее Путивля: это была Малороссии по левую сторону Днепра. Южная часть Киевской губернии, к северу южнее Киева, к западу не далее Днестра, к югу не далее владения в Днепр реки Пела, была Малороссии по правую сторону Днепра. К сему присовокуплялся табор Запорожцев, отброшенный далее на юг, в степи.

Когда Хмельницкий поддался России, Малороссия делилась на 17 полков. По правую сторону Днепра были: Киевский, Белоцерковский, Паволойский, Каневский, Черкасский, Чигиринский, Уманский, Корсунский, Брацлавский, Винницкий; по левую — Черниговский, Нежинский, Полтавский, Миргородский, Прилуцкий, Переяславский, Крапивенский.

При Петре Великом, Малороссия делилась на 10 полков, ибо кроме Киева (с несколькими местечками), Заднепрье нам уже не принадлежало. Полки были: Киевский (главное место Козелец), Прилуцкий, Нежинский; Дубенский, Гадяйский, Полтавский, Переяславский, Стародубский, Черниговский, Миргородский.

Сумы, Ахтырка, Острогожск, Харьков и Изюм составляли тогда пять Слободских полков, выселившихся из Заднепрья, для защиты границ от Крымских Татар, с 1654 года, и они собственно не входили в Малороссию.

Надобно знать местность и состояние Древней Руси, чтобы понять значение областей её до нашествия Татар. Пределы древней Руси не простирались на юг по левую сторону Днепра далее владения Сулы (половины Полтавской губернии), к востоку упираясь в Семь; с правой стороны Днепра, река Рось и уклон к вершинам Прута были пределом. Туш, верстах в 20-ти от Переяслава, был и сторожевой город Русский против Половцев, Канев. Следовательно, половина Малороссии, а что всего важнее, собственно гнездо Малороссии, древле не были Русскими областями. Там, в лесах в степях, кочевали, бродили, дрались между собою, и с Руссами, и за Руссов, Хазары, Печенеги, Половцы.

Самые области Русские представляли несколько городов, т.е. укрепленных стенами селений, в коих жили Князья и их наместники. Между сими городами были редко рассеяны мелкие селения (род хуторов, Зиновьев), в коих жил народ, и бегал в городки от набега иноплемеников и меча Князя, воевавшего с их Князем. Это случалось беспрерывно. Возвратясь, Русс находил пепелище, строил новую хижину, и вскоре опять бежал в городок. Не было

распространения общественной жизни на каждом шаге, не было безопасного, спокойного расположения всюду, где угодно, кроме городов. Такие-то города были: Киев, Чернигов, Переяславль, Треполь, Овруч, Белгород, и проч. Следствия сего политического быта легко понять.

Пришли Татары. Что прежде продолжалось год или два, то продолжилось целый век. Более ста лет непрерывно висел меч убийц Азийских над жителями, и лишал их надежды на завтра. Не было уже отдыха; не было мгновенного мира, когда бы можно было выйти из городка, построить хоть на одно лето хижину и вспахать землю. При таком состоянии, в душе человека является естественное побуждение, по которому, видя бесконечную и неизбежную гибель, он хочет лучше встретить ее грудью, защищая себя, нежели погибнуть в бездействии. От сего при владычестве Татар образовалось в Руси два рода состояния жителей: городское и казацкое.

В Северной Руси, где хотя была в основании потрясена, но уцелела самобытность Княжеств, древняя Городская жизнь преимуществовала, и общественность оставалась по-прежнему. В Южной, где решительно исчезли Русские Князья, их бояре и дружины, упала духовная власть, безвыездно заночевали Татары, и города, опаленные пожаром, без стен, без защиты, стояли с трепещущими их жителями среди пустынь — явилась жизнь Казацкая.

Много было споров о том, что значит: Казак. Это слово идет из Азии; там доньше мы знаем орды Казаков (Киргиз-Кайсаков); имя их означает воина. Имя Казаков, или Касаков, звучало на правой стороне Волги с древних времен. Укажем на Касогов, и на Касахию Константина Багрянородного.

Вспомним после сего два обстоятельства, удивительно способствовавшие началу Украинского Казачества. Южные пределы древней Руси издревле охраняли орды Азийских народов: Торки, Черные Клобуки (Хара-Калпаки, т.е. черные шапки). Они были подвластны Руссам, но не были Руссы, не были и данники Русские. Они служили из корысти, сохраняли Азиатские имена, и редкие из них принимали Христианство. В древние еще времена от них отделялись Бродники — толпы воинов, составленные из них и Половцев, бродившие повсюду и дравшиеся за кого угодно и с кем угодно, по найму. Берлад в Молдавии древле представлял тоже, что в последствии была Сеча: военное общество, жившее оседло, грабежом и удальством. Как прежде от Половцев, так с половины XIII века от Татар стали приставать к подобным Бродникам и Берладникам бродяги. Сии толпы наездников составляли разные отдельные становья, выезжали из своих притонов, били, грабили, и называли себя Казаками. Сие имя, которым они гордились, обращали в позор им и Русские и Турки, узнавшие их на Черном море. Другое обстоятельство, споспешествовавшее образованию Украинских Казаков, было владычество Литовцев, простершееся над Киевом, Черниговом и другими местами бывшей Руси, по обе стороны Днепра. Литовцы, по политическому образованию своему, представляли вольным удальцам Украинским совершенно по-Казацки образованное государство.

Вскоре по составлении Казацких становий в разных местах, Татары, Литва, Руссы начали употреблять их, как средство защиты и мщения. Так, в конце XIII века, были населены близ Рыльска Ахматовы слободы — истинный Берлад! С 1444 года узнаем Казаков Рязанских; Ордынские Казаки были известны еще прежде, обитая близ Татарских орд. Нарочно заведены были потом Казаки в Литве (в конце XVI-го века); шайки наездников, рыскавших по России во время междоусобия с Лисовским, именовались Казаками Лисовского, и под сим именем гарцевали они в Германии в Тридцатилетнюю войну. Наконец введена была правильная система: закрывать пределы земель вольными, удалыми, Казацкими становьями, и она продолжалась до нашего времени. В конце XV-го века явились Казаки Азовские; с начала XVI-го века они были уже грозными жителями Дона, и именовались Донскими. В конце XVI-го века, Нечай положил с ними начало Яицких Казаков (с 1775 года Уральскими названных); Ермак — начало Сибирских Казаков, а товарищ его Андрей Гребенских; выселенцы из Донских и Слободских составили потом Чугуевских Казаков; от Донских же явились Волжские, Астраханские, Терские, Бугские, Моздокские и Линейные (Кубанские). Кто защищает доньше нашу Азиатскую и Кавказскую границу?

Их потомки.

Таким образом, после нашествия Татарского открывается вам обширная система Казачества, свойственная веку, местности, и История Казаков является обстоятельством важным, донныне не замеченным нашими Историками.

Надобно различать две эпохи: первоначальные образования Казаков, и систематические, следовавшие за тем, образования их. Второе вообще должно полагать в половине XV столетия, ибо тогда узнаем мы два главные Казацкие отдела: Донской, и Украинский, из коих от одного образовались все восточные отрасли Казацкие, от другого народ Малороссийский. Донские Казаки с 1499-го года известны уже, как сильное политическое общество; Украинские являются такими же с 1517 года; следственно: отнести к половине XV века начало систематического образования Казаков, имеем мы полное право. Губительная власть Татар относится к половине XIII столетия. Промежуток составляет двести лет. После сего, почти положительным делается вывод, что вскоре после Татарского нашествия, первоначальное составление Казаков имело свое начало.

Желательно вразумить наших критиков и историков в следующем: надобно им решительно бросить старое поверье, что для начала должен быть в каждом гражданском обществе какой-нибудь политический первый человек, какой-нибудь Адам, от коего расплодился потомки, иногда принимая и имя его. В самом диком обществе людей всегда бывали начальники, но не Адамы, а явления мимолетящие, временные, не важные, пока общество не достигало известной зрелости.

Татарские кочевья распространились, после покорения Руси, от Волги до Днепра. За Днепром была у них только сторожа. Вся степь от Дона до Днепра, где прежде кочевали Половцы, была очищена ими. Плано-Карпини, ездивший к Батью в 1245 году, встретил сторожевых Татар в Каневе, по правую сторону Днепра, на Русской стороне. Тут жил Куремша, Татарский темник, для стражи от нападения Западных народов (*est autem Dux iste Dominus omnium, qui positi sunt in custodia contra omnes Occidentis populos, ne forte' subito et improvise' irruant aliqui super illos*). Пространство между Днепром и Доном, Карпини называет Команскою землею (т.е. Половецкою, ибо Куманы и Половцы одно и то же). Он говорит, что Команская земля велика и пространна, но что Команы истреблены Татарами, частью только остатки их служат рабами Татар, частью убежали к другим народам. Переехав степь Команскую, где кочевал Хан Монтий (?), на Дону Карпини нашел третье кочевье Татарское, Хана Тирбона(?).

В половине XIV века, Ольгерд погнал уже Татар с берегов Днепровских. Его наместники правили Киевом, Черниговом, Новгородом-Северским. В конце XIV века Витовт начал бороться с Русью, и решительно с Татарами.

Видим, что только в южных углах, за Доном, при Азовском море, и за Днепровскими порогами к Черному морю, могли сбегаться и отселяться, с самого нашествия Татар, Берладники, Бродники, Черкасы, Казаки, так, как на краях Кипчака, на Краях Руси (в Рязани, в Курске), они составляли себе притоны. От Азовского моря стали они потом подниматься по Дону, где (слова Г-на Сухорукова) «от устья Аксая до нынешней Воронежской губернии, в глуши лесов, между непроходимыми болотами, были рассеяны небольшие крепостцы, единственные их жилища, известные тогда под именем городков. В сих городках, где едва помещалось несколько бедных изб, или землянок, Казаки проводили всю свою жизнь, точно как на биваках, старались только иметь приют и защиту от непогоды. «Пускай» — говорили они — «пламя набегов сожжет городки наши: через неделю заплетем новые плетни, набьем их землею, покроем избы, и городок готов. Скорее враг устанет сожигать наши жилища, нежели мы возобновлять их.» В Раздорах было у них сначала главное становище, потом в городке Монастырском, наконец в Черкасском городке.

Донские Казаки были смесью Русских, Татар, Горских Черкесов, Калмыков. Основание быта их было более Азиатское, так же как оружие и образ набегов.

Необходимость спасения жизни, побегом в дальнюю сторону, была началом Донского Казачества. Безопасность родила потом чувство мщения врагу и независимости ни от кого. Независимость, добыча, усиление товариществ, оседлость показали наконец беглецам прелесть Казацкой жизни.

Необразованный, грубый, прежде раб, трепещущий плети Татарина, если не меча его, бесчестимый, позоримый, теперь воин, с мечом в руке, с легким конем, свободный, как ветер степей, славимый в песне, равный товарищам – мог ли беглец на Дон не полюбить

Казацкой жизни? Лучшая пленница была его женою; лучшая ткань из добычи одежду, лучшее оружие врага его сайгатом. «На Донском Казаке (слова Г-на Сухорукова) видали смесь оружия и уборов разных народов: Ногайское или Черкесское седло; Крымская или Турецкая попона, Черкесская епанча, Русская пищаль, оправленная по-Турецки, и при ней рог и вязни; Персидская сабля; на поясе булатный нож, с черенком рыбьего зуба; Турецкий сайдак, рогатина» – таков был наряд Казака Донского. Поколения росли при звуке оружия и битв. Запевая: «Ты прости, прощай, тихий Дон Иванович», Казак плыл под Азов, под Трапезунт, Синоп – зипун себе добывать; скакал в Крым, на Волгу, на Яик; умирая в битве, целовал родную землю, привязанную в ладанке на груди его, посылал прощальную весть жене, благословение детям с добрыми товарищами; возвратясь благополучно дуванил дуван (делил добычу), гулял и не заботился о завтрашнем дне. Дитя играло у него оружием; Казачка его дралась с нападавшими на городки. «Пишешь ты к нам» – отвечал Гирею Крымскому Атаман Минаев – «Хан Мурат Гирей: если взятое твое за Перекопом я в иных местах не пришлем, и ты хочешь к нам посылать зипунников своих друг за другом беспрестани и бити велишь на тридцать на два городка, и упокою нам не хочешь дашь ни весною, ни летом, ни осенью, ни зимою, а сам ты, Хан Мурат Гирей, хочешь под наши городки идти многим собранием, по льду, зимним путем, войною. И наши городки некорыстны, оплетены плетнями, а обвешаны тернами, а надобно их доставать твердо головами, а стад у нас конских и животных мало: даром вам в дальний путь забиваться!» – Вот жизнь, вот мнения Казака! Нигде не найдете изображения Казачества Донского лучше того, какое было помещено в Русской Старине, Гг. Сухорукова и Корниловича (СПб. 1825 г.). Отсылаем читателей наших к превосходным картинам Сухорукова.

История Донских Казаков не принадлежит к нашему предмету. Они вольно гарцевали, пока не установилась политическая жизнь России. Тогда России стало тесно, она окружила их отовсюду, и требовала повиновения общему порядку дел. Началась борьба Казацкой, дикой независимости с политическим могуществом исполина. Разин, Булавин, Пугачев были страшными, но – тщетными усилиями Казацкой свободы! При Петре Великом Донских Казаков считалось 112 станиц, и до 200,000 человек мужеского пола.

Заметим одно: все Казаки были Русские, но какие Русские? Они говорили Русским языком и назывались Христианами: два характеристические и единственные отличия, в коих заключалась самобытность древних Руссов, и которые передали своим потомкам, убежавшие от поганых в Лукоморье, переселенцы Русских областей. Только этим принадлежали они к другим Руссам, имея начало, образование, быт, понятия о власти, предания, поэзию свои, новые и отдельные. Не будем смешивать ни идей, ни событий. Все сказанное нами показывает, что почитать Казаков Донских частью древней Руси не должно. Только язык и вера сближали их с Россией, и наконец покорили России. – Обратимся к Малороссии, и узнаем другое отделение Казаков. Здесь более любопытного, нежели на Дону, и многие отличительные черты, хотя сущность предмета одна и та же.

(Окончание в след. Книжке).
Сентябрь 1830.

Николай Полевой "Малороссия"

(Окончание)

Из всего сказанного нами можем сообразить для Истории Малороссиан следующие, предварительные, выводы.

1-е. Казачество явилось от исторических и местных обстоятельств, после нашествия Татар. Его не было в этнографическом быту древней Руси. Оно образовалось двумя столетиями, с половины XIII-го века; его История продолжалась до XVIII-го века, следственно, пятьсот лет (XIII, XIV, XV, XVI, XVII-е столетия) составляют его Историю.

2-е. Сия История делится на две части: до половины XV-го века продолжалось первоначальное образование Казачества; с половины XV-го века началось систематическое образование его, от политики соседей, более сильных.

3-е. Сия политика соседей возбудила сопротивление Казаков; она кончилась уничтожением политического их бытия. Но бытие, народное, следствие их отдельного начала и пятисот-летней самобытности, осталось донныне.

4-е. В сей народности, видим только два основные элемента древней Руси: веру и язык, но и те были изменены временем. Все остальное не наше: физиономия, нравы, жилища, быт, поэзия, одежда.

5-е. Казачество представляет нам два главные деления: средоточие одного - низ Дона, средоточие другого - низ Днепра. От первого явилось множество подразделений Восточного Казачества; от второго народ Малороссийский. Первое преимущественно можно назвать Донским, второе Украинским.

Мы поверили сии выводы на Дону, теперь поверим на Днепре. Предмет является нам совершенно с новой стороны. Он входит в ряд главных событий, представляемых Историей Русского народа и Российского государства (каковы: пришествие Варягов, влияние Греции на древнюю Русь, Новгородская республика, нашествие Татар, образование наше Петром); он совершенно объясняет нам нынешнюю Малороссию, проливает новый свет на Историю и Географию южной части Российского государства, и делается в высокой степени любопытным для просвещенного наблюдателя. Все обращает здесь его внимание: начало Казачества; образование оно в самобытное политическое тело; отношения его к соседям, более его сильным; борьба его за свою самобытность; средства, употребленные им для своей защиты и соседями для его покорения; Наконец, падение его, и эта народность, пережившая его самобытность, народность, оставшаяся для Казака в быте, языке, преданиях и поэзии. Картина

достойна кисти великого живописца, так как достойна её жизнь Новгорода! Характеры, дикие, но сильные, освещают картину; прелестная, благословенная земля, с бытом чрезвычайно оригинальным, составляет основание оной.

Несправедливо глядя на Историю Украинских Казаков, нам указывают на название Кавкаских Черкесов, именуемых также и Казаками, указывают на два города: Черкасск на Дону и Черкасы на Днепре, как главные, первоначальные места Донских и Украинских Казаков. В начале XVI-го века (именно в 1517 году), Украинские Казаки упоминаются в первый раз: толпа их, из 1200 человек, ходила тогда с Поляками под Аккерман. От них потом, говорят нам, отделились

Запорожцы. Но, от нашествия Монголов до 1517 года прошло около трехсот лет; где же были все это время Казаки? К чему тут Горские Черкесы, и какое отношение сих горцев к городам Черкасску и Черкасам?

«Имя Казака», говорят нам, «вероятно, в России древнее Батыева нашествия, и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище Малороссийских Казаков. Торки и Берендеи

назывались Черкесами; Казаки так же». Упомянув, что соседи донные именуют Горских Черкесов Казаками, и повторив, что Торки и Берендеи назывались Черкесами, говорят далее, что, вероятно, они «назывались также и Казаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни Монголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения, смешались с ними, и под именем Казаков составили один народ, который сделался совершенно Русским, тем легче, что предки их, с X-го века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Казаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных Татарами местах, взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I-го, давшего им многие гражданские вольности, вместе с землями выше Днепровских порогов, где город Черкасы назван их именем (Ист. Г.Р. т.V., стр. 394 и след.)

Здесь истина скрывается во мраке; но общность всего известия сходна с повестью, писанною на заданные слова: Монголы, Литва, Сигизмунд, Черкасы, Черкесы, и проч. – Выписав мнение Карамзина, как Историка, все избранные старые мнения приведенного в систему, не считаем нужным повторять другие, еще более смешанные понятия, например, что Казаки, являсь только в начале XVI века, были колонией горских Черкесов (это мнение Г-на Бантыш-Каменского). Рассматриваем.

I. Правда, что Казаки, Донские и Украинские, назывались и Черкасами, но Торки и Берендеи Черкасами, следовательно и Казаками не назывались (*). Черкасск и Черкасы являются с XVI века. Тут нет никакого отношения к орде горцев, именуемой себя: Адиге, а от соседей Турецкими именами: Казак и Черкес, т.е. всадник, воин, и человек, перерезывающий путь (**).

{

(*) В Прим. 412-м К-го тома Ист. Г. Р. Карамзин ссылается на 218 и 347-е примечания II-го тома, как уже на дело доказанное. Что же там находим? Что черные клобуки в Воскресенском списке называются и Черкасами. Но можно ли ссылаться на эту явную вставку в сем списке, вставку, которой нет в других? Ссылка на это же самое место составляет примечание 347-е. Впрочем, если и допустим, что Черные клобуки назывались Черкесами, то из чего следует, что они назывались и Казаками? Непонятно! Между тем, на этом только и держится вся гипотеза Карамзина.

(**) если бы Черкасск на Дону, и Черкасы на Днепре были первоначальные притоки Казаков, еще был бы какой-нибудь повод к догадке. Но известно, что, и на Дону и на Днепре сии городки были построены в числе других, позднейших. Этимологическая догадка о родстве между Днепром и Кавказом, похожа на остроумную догадку одного из ученых историков наших (Вестник Европы, 1830 г. кн. XII, 303) который в Пятигорах, Тарашинского повета, отыскал Кавказское Бештаи! Малороссиян называют и Черкесами, бесспорно, но это слово Турецкого происхождения, составленное из tcher (путь, дорога) и Кезмек (перерезать, отрезать), и Днепровские и Донские Казаки могли принять его без всякого родства с Кавказом и с горскими Адигами, которых соседи называют так же Черкесами и Казаками.

}

II. «Торки и Берендеи были почти Русскими». Это несправедливо. Они не были Христиане, сохраняли Азиатские имена, говорили своим языком, не были даже и данниками Руссов.

III. «Не хотели покориться ни Монголам, ни Литве». Тут безделица: между владычеством того и другого народа прошло более 100 лет!

IV. «Ниже Киева». – И Канев, и Днепровские пороги ниже Киева, но Канев от Киева верстах в 80, а пороги в 500 слишком. Где же «находить нам первое жилище Малороссийских Казаков?» Близ Канева нельзя: тут кочевали сторожевые Татары. Близ порогов? Но это место никогда не бывало Русью до Татар.

V. Торки и Берендеи «приманили к себе многих Россиян, смешались с ними, и под именем Казаков составили один народ, который сделался совершенно Русским».

Но почему под именем Казаков, когда сами Торки и Берендеи не были Русскими, и притом донные Малороссияне только исповедуют Греческую веру, говорят особенным диалектом Русского языка, и принадлежат к политическому составу России, но по народности вовсе не Русские.

VI. Приняв мнения Карамзина, как объяснить обширную систему Казачества, выше сего нами изложенную, и объявляющую весь Юг России? – Вот как:

«Вероятно, что пример Украинских Казаков дал мысль и северным городам составить подобное земское войско. Область Рязанская имела более нужды в таких защитниках. В Истории увидим Казаков Ордынских, Азовских, Нагайских и других: сие имя означало тогда вольницу, наездников, удальцов, но не разбойников, как некоторые утверждают, ссылаясь на лексикон Турецкий: оно, без сомнения, не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру, добровольно так назывались (Ист. Г. Р. т. V, стр. 395).

Прекрасные Фразы и – решительное не понятие исторической истины! Что за витязи, умиравшие за веру и отечество, были Казаки, когда так же дрались они с Татарами, Турками, Литвою, как и с Русскими? Зачем было не справиться с

Турецким лексиконом, с Историей, и не увидеть, что слово: Казак, точно имеет у Турков донные, а прежде и у Русских и Поляков имело смысл бранный, ибо все пользовались их удальством, и все отказывались от них, корились их именем? Так, в 1477 году, Иоанн III писал к Хану Зенебеку: «Когда у тебя не было ни силы, ни власти, и был ты только Казак, то просил в моей земле отдыха, когда конь твой утрудится в поле;» так, несколько раз, Русские жаловались на Донских Казаков Султану, и тот отвечал, что Казаки разбойники, а не его

подданные; тоже отвечал он и Польше, например, что опустошение оной в 1516 г. сделали его Татарские Казаки (крымские Татары) также отвечали всегда и Русские на жалобу Султана: «Это народ вольный, народ беглый: что хочет, то и делает, а нас не слушает». И возможно ли было при состоянии Руси в XV веке заводить военные колонии, как могли заводить их, кто завел Донских Казаков и их отродия, и как можно было дать этим колониям отличную, донные неизгладившуюся народность, разлить дух Казачества на тысячах верст, провести его через века, образовать им целые народы?

Так-то прежде писывали Русскую Историю! Фраз, возгласов об отечестве поболее, а до истины дела нет. Квасной патриотизм и тут вмешивался. Татищев стоял на коленях перед величием Славян, огнем и мечом вписавших свое имя в летописи Греческие; Карамзин видел в Казаках Русских витязей, умиравших за отечество и веру, избавивших Малороссию от власти иноплеменников и возвративших отечеству нашему древнее достояние оного. По степени прагматических идеи, оба писателя стоят на одной черте.

Малороссияне, в настоящее время, обитают в губерниях: Камедец-Подольской, Киевской, Волынской, Полтавской, Черниговской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Харьковской, Екашеринославской, Херсонской, Таврической, Землях Донских и Черниговских Казаков. Но мы означили выше сего собственно Малороссию, по сю и по ту сторону Днепра; все Малороссияне за чертою означенного выше пространства суть позднейшие переселенцы. Мы упоминали о выселении их в Острогжск, Харьков, Изюм, Сумы, Ахтырку; в Новороссийские губернии, и в Землю Донских Казаков перешли они в XVIII-м и XIX столетиях; в Черноморье перевел их Потемкин (*).

Если верить источникам, не весьма достоверным, то при учреждении гетманства Баторием, в 1576 году, было строевых Казаков Украинских в 10 полках, по обоим берегам Днепра, до 20,000; Хмельницкий передал России в 1654 году, в 17 полках, до 60,000 войска Казацкого, со 166-ю городами и местечками; при Петре Великом считалось, в 10-ти только принадлежавших России полках, грунтовых, безгрунтовых, посполитых и дворовых, кроме

стариков и малолетних, 203,401 человек, да в Слободских полках было, кампанейщиков и помощников, 23,497 человек. О числе Малороссиян всех вообще, в разные эпохи, сведений собрать невозможно; мы не знаем достоверно даже и того, сколько надобно полагать их ныне. По числу же выходявших в разные времена на службу, от 1576-го до 1725 года, можно видеть, как увеличивалось беспрестанно количество Малороссиян, от стечения к ним всякого народа. Это поясняет, каким образом размножились они и прежде 1576 года.

{
(*) За Байкалом в Сибири населено несколько слобод Молороссиянами. Они сохранили свой родной быт и язык, с некоторыми необходимыми по местности изменениями.
}

Мы объяснили уже состояние древней Руси, происшедший от оногo, после Татар, Казацкий быт, начало и сущность его. Скажем здесь, что так же, как в низовье Дона Восточные, за Днепровскими порогами сбежались и заселились, с половины XIII столетия, Западные Казаки. Как первые были смесью Русских, Татар, горских Черкесов, Калмыков, так вторые были смесью Русских, Половцев, Торков, Берендеев, Молдаван, Поляков и Литовцев. Запорожцы были первым началом Украинских Казаков. Сеча их, переходившая по Днепру, бывшая некогда, прошив нынешнего Александровска, на Хортицком острове (столь славном путешествиями Варягов) потом на углу, образуемом впадением в Днепр Бузулука, со множеством других речек, была первым Казацким притоном на Днепре. Они приняла Русский язык и сохранили веру Христианскую потому что Русские, убежавшие от Татар за Днепровские пороги, разумеется, были выше своих иноплеменных товарищей образованием, и веру хранили, как залог ненависти к басурманам-гонителям. Иноплеменные товарищи должны были следовать их примеру.

Повторять ли то, что мы говорили уже о быте Донских Казаков и прелести сего быта для людей, спасшихся от рабства Татарского? – Лучше обратим читателей к Миллерову описанию Запорожцев, составленному со слов очевидца за 70 лет, в половине XVIII-го века. Сеча была в это время куча домов и землянок, окруженная земляным валом. В ней все было общее. «Начинается новый год; надобно, добрые молодцы, жеребий метать: какому куреню какую рыбную ловлею владеть; да, что, паны молодцы, не хотите ли нового начальника избрать?» Так спрашивал Атаман Запорожцев при начале года. «Нет! отвечали ему» – ты хорош, пануй еще год, а жеребьи кинем». – В противном случае, Атаман скидал шапку, клал на нее атаманскую палицу свою, и кланялся народу, говоря: «Теперь я ваш брат, простой Казак!» Народ собирался, гулял, выбирал нового Атамана, тащил его на совет; после вопроса: «Все ли согласны?» отдавали ему палицу, сыпали на голову земли, и кланялись ему, как начальнику, убийцу Казака бросаю живого в могилу, ставили на него гроб с телом убиенного, и засыпали землею. Саламата и тетеря (уха с сарачинским пшеном) составляли весь обед Казака. Наши старики помнят еще, как Запорожец, желая погулять на ярмарке, нанимал певчих, ходил с ними по рядам, поил кого попало, бросал на драку деньги, и в заключение, в богатом красном своем платье, садился в полубочье с дегтем, в знак презрения к богатству, а потом, надев старый свой кожух, весело уезжал домой. Кто из нас не читал прелестных стихов Вольфа на смерть Мура: Not a drum was heard, nor a funeral note (Не бил барабан перед смутным полком)? В Думах Украины найдете описание похорон Казака, столь же дикое, и еще более поэтическое. Конь Казака прибежал в табун, ходит по куреням, острыми копытами копает землю, и смутным ржанием вызывает своего всадника. Товарищи предчувствуют гибель собрата, скачут в степь, отбивают его тело у Татар, копают суходол саблями и надполками[?], выбрасывают землю, шапками и полами насыпают курган над телом, гремят в семипядные пищали, жалобно наигрывают песню и выхваляют Казацкую славу. «Так», говорит Дума, «так! Молодецкая, Казацкая голова легла, как трава на степи от ветра, но не умрет и не ляжет слава, и всякому расскажет о Казацком удалстве!»

Пределы сей статьи не позволяют нам изложить, хотя отчасти, дела и удальство Казаков Украинских. Они соединялись иногда с Донскими Казаками, и без них ходили на стальных конях своих против Татар, Литвы, Русских, Поляков, Турков, Молдаван; в легких, в несколько дней построенных лодках, по Днепру выплывали в Черное море, и достигали с мечом и огнем даже южных берегов Азии. На Днепре были те же переходы быта гражданского, какие были на Дону. Сперва мысль только о сохранении себя и защите, потом о мщении; наконец образовался быт Казацкий, вольный, удалый, ни от кого независимый, и так протекло время до половины XV-го столетия. Обозрим ход политических событий у Казацких соседей, и географическую Историю Казаков Украинских.

До Татар, Русь, если можно так выразиться, только очеловечила земли северо-восточной Европы; после столетнего отдыха или, когда угодно, оцепенения, началась жизнь России-собственно, началась далеко от тех мест, где было зачало древнего периода Русской Истории, т.е. Новгорода и Киева, и именно в самой середине между ними, в Москве, от которой в равном расстоянии, кругом, стали Тверь, Ярославль, Владимир, Рязань, Калуга, Тула (все в 160-180 верстах). Жизнь России на юге еще весьма нова. С XII века настоящая, или, говоря по Новгородски, просто-Русская земля, называлась уже Украиной (*). Узлы политики и событий завязывались на севере. На юге доживали только прежнюю жизнь Руси. Мы сказали, что жизнь России на юге весьма нова. Взгляните на карту, составленную при Борисе Годунове (**): от Саратова до Чернигова протянута засека пограничная; Пенза, Донков, Елец, Оскол, Орел, стоящие за нею, суть форпосты, а не города. Только с 1509 года Чернигов, а с 1655 года Киев сделались опять наши; о приобретении Волыни и говорить нечего: этому всего прошло тридцать шесть лет.

{

(*) Если только верить Киевской летописи, которая в первый раз приводит это название в 1187-м году.

(**) Она была выгравирована уже в 1614 году Герардом, и поднесена Михаилу Федоровичу. Благодаря любознательности почтенного Г-на Дериарда, верный снимок с оной издан недавно при Депо Карт.

}

После того, как Монголы окончили древнюю Историю южной Руси, тут явились сначала два действителя: сами Монголы, или Татары, и Литва. Двигаясь из севера Белоруссии, Литва вскоре перемогла Татар на Днепре. Татары очистили для себя степи, простиравшиеся между Днепром и Доном, и южную Русь, по сю сторону Днепра (Чернигов, Курск) положили степью. Литва, завладев Киевом и правым берегом Днепра, чем владела прежде Русь, смела Монголов с лица Днепровских степей. Соединясь с Польшею в 1385 году, Литва сохраняла, однако временную самобытную жизнь почти до половины XVI столетия. Тогда Польша сделалась решительно обладательницею правого Приднепрья. Сто лет прежде, с юга надвинулся действительный новый, Оттоманская Империя, завладев Азовским морем с 1471 года, усвоив себе одну из сильных ветвей распавшегося Батыева царства, орду Крымскую, начавшуюся с половины XV-го века. Из севера Москва, также с половины XV-го века, начала действовать.

Следственно: Казацкий Днепровский табор, до половины XV-го века, был угрожаем с севера и востока, сначала Монголами, потом Литвою и Монголами, имея открытый путь на юг и запад; с половины XV века, его облегли с юга и запада Крымцы и Турки, с севера Литва и Польша, но открытый путь явился ему на север к Литве по Днепру, и на восток от Днепра, где сталкивался он с Московией.

Точно и верно, в следствие сего исторически-географического обзора, является Историческая География Украинских Казаков.

Из умножения Казаков с 1576-го до 1725 года, мы понимаем, как из первого зародыша, начавшегося после нашествия Татар, явились многочисленные толпы их, и из одной Сечи размножились городки их по Днепру. Так в последствии вокруг Сечи Запорожской было 38 куреней. Оседлая жизнь вела к оставлению холостой жизни; пленницы делались женами Казаков. В позднейшие времена, в Сечи мог участвовать женатый Казак, но жены своей не мог он вводить в Сечу, и должен был оставлять ее в своем хуторе, когда приезжал в Сечу. Хуторы соединялись, являлось отделение женатых от холостых, Казаков Украинских от Запорожцев-собственно. Казаки двигались к северу, основывали новые города, на старых пепелищах и на новых местах; Запорожцы оставались на одном старом месте. Хотя Казаки равно дрались с Литовцами, Татарами и Русскими, искали только добычи, ничего не знали, кроме набегов, но Литовцы, правильно владея Киевом и Черниговом, легче успевали обуздывать их, легче мириться, воевать с ними, посылать их по своему желанию, и, будучи Христиане, возбуждали менее неприязнь их, нежели басурмане; сражаясь притом с басурманами, употребляя язык Славянский, они снискивали даже дружбу и уважение Казаков. Неустройство, пустота обоих берегов Днепра, до самого Киева, свобода, которую Литовцы давали Казакам селиться, где угодно, сами держась только за Воынь, Киев и Чернигов, сближали городки Казаков с ними. При первом известном нам предводителе Казаков Дашковиче (1504–1535 годы), им даже подарили Канев, Чигирин, Паволочь, за Днепром. Что начал Сигизмунд I (1506–1548 годы) то привел в систематический порядок Стефан Баторий (1574–1586). Тогда совершенно уже удалены были Украинские Казаки от своих товарищей Запорожцев, особо живших и соблюдавших свой прежний быт, хотя и повиновавшихся начальнику Украинских Казаков. Казаки Украинские уже ознакомились тогда с удобствами гражданской жизни; они уже разделены были на десять полков, и по левую сторону Днепра владели Полтавою, Миргородом, Переяславлем. Баторий поставил для них город Батурин; предводитель Казаков, Богдан Рожинский, принял от него титул Гетмана, дал слово на повиновение, получил дипломы, клейноды, установил чины. Явились рыцари, шляхтичи, духовная власть: аристократия гражданская и духовная. Казаки радовались, гордились тем, что и они стали в ряд государств, но не понимали, что этим самым их бытие уже кончено. Польша, сделав их гражданами, еще несколько времени давала им свободу делать, что угодно, но рука её опутала уже меч Казацкий цепями.

Подвиги Рожинского, Шаха, Скалозуба, Свирговского, Косинского, Наливайки, Сагайдачного были еще производимы в старом духе Казаков: под Синопом, Трапезунтом, Москвою, в Крыму, в Молдавии, гремела сабля свободного Казака, по воле его и без спроса с другими. Но – уже от них требовали отчета, уже их наказывая заслушивание, уже исчезала доверенность их к Полякам: одна сила Польши была еще ими уважаема. Польские крепости рассеивались по областям Казацким; Жида проникали всюду и обременяли Казаков собою. Шах и Сагайдачный умерли в монастыре, Наливайко бесчеловечно казнен в Варшаве. Задолго до сих событий, Запорожцы явно резались уже с Поляками. Но Казаки Украинские не имели средств подражать им, ослабленные аристократией, городскою жизнью, правами городов, законами, что отнимало у них способы быть прежними удалыми Казаками. Началась просто борьба гражданского общества с другим гражданским обществом, и, разумеется, должен был пасть слабейший.

Если бы Польша сама не была колеблема в основании избирательным правлением, аристократией и влиянием Католицизма, она успела бы покорить Казаков совершенно, не смотря на отчаянную их борьбу и хитрую политику России, которая видела свою пользу, разжигала раздоры и смуты, и выигрывала во всяком случае. Польша покорила бы Казаков, не смотря даже на все это, но то, от чего спала Московская корона с головы Владислава, исторгло из рук Польши и Малороссию.

Папа думал, что находит необыкновенную подпору в политическо-духовном ордене Иезуитов. Быстро распространились они в Польше, и овладели умом Сигизмунда. Все приведено было ими в движение, и несчастная мысль победы Католического владыки заняла душу Короля и его советников. Как не видал близорукий потомок Густава Вазы несчастных следствий безрассудного усердия

к Католицизму в делах отца своего! Едва удержавшись на престоле отцовском, Сигизмунд утвердил постановления Киевского собора (1595 г.). Явилась знаменитая Уния – соединение церкви Западной и Восточной. Жестокие споры загорелись в Церкви и Обществе. Обладая Швецией, Польшею, счастливым случаем возводя сына своего на престол Московский, Сигизмунд везде хотел одного – покорности Папе, и все потерял от этого одного. Никепингский сейм, 1604 года, лишил его Швеции, и охранил Лютеранскую веру; меч Пожарского отбил у него Россию, и защитил Греческую веру. Оставались Казаки. Бичом и мечом хотели присоединить их к Унии, то есть покорить Папской тиаре. Все другое терпели Казаки, только не это: полилась кровь; напрасно губили Казаков. Отчаянная борьба их продолжалась более полувека. Они падали под бременем борьбы. Ни ум, ни меч Хмельницкого не могли уже спасти их. Казаки отдались России; Польша навсегда их потеряла.

Краткий очерк наш, и поверхностное указание на предметы, входящие в Историю Украинских Казаков, могут, кажется, подтвердить сказанное нами выше, что под рукою живописца искусного, Малороссия представит картину самую занимательную, самую живописную. Никакая Швейцарская, никакая Нидерландская революция не покажет нам явлений, столь диких, столь прекрасных! Изобразите нам конец Истории древней Руси; диких воинов Чингис-Хана, разбивших свои вежи под стенами древних храмов Киева; сборище отчаянных беглецов, на островах и берегах Днепра, среди болот, обросших непроходимым тростником, среди крутых, бурьянистых яров, и волнующихся ковылем степей; бешеную храбрость сего сборища, отважные поиски, в коих на земле и на море полет птиц, направление ветра и течение звезд руководили его; явление на Днепре воинов Ольгерда и Витовта, в их волчьих шапках и медвежьих плащах, с колчанами стрел и огромными пушками; постепенное сближение Казаков с Литовцами, Поляками и гражданственностью, заселения их по обе стороны Днепра; новых врагов Казацких, Крымцев; отделение Запорожцев, образование Украинских Казаков; их предводителей, от Дашковича до Хмельницкого; странное, ученое образование Киевского духовенства, под владением Литвы и Польши; что-то рыцарское и ученое в Малороссийской аристократии, что-то дикое, Литовско-Азиатское, в простом народе Малороссии; эту пёструю смесь Азии и Европы, кочевой и оседлой жизни, покорности и независимости, твердости и слабости, и, наконец, взаимных отношений, взаимной политики, в одно время, Польши, Литвы, Турции, Крыма. Конечно, не предмет будет виноват, если ваш рассказ не увлечет душ и умов!

Но не должно обольщаться ложною мыслью, воображая себе предметы не тем, что они в самом деле были. Ни Швейцаров, времен Вильгельма Теля, ни Малороссиян, времен Наливайки и Хмельницкого, не должно представлять себе людьми, похожими на жителей Парижа, которые, с трехцветною кокардою на шляпах, брали Бастилию в 1789-м и Лувр в 1830 году, ни даже воинами Вашингтона, умиравшими за гражданскую свободу на Буркен-Гильском поле. Шиллер, заставив своего Макса Пикколомини, своего Позу, говорить так, как говорили юные братья Тугенд-бундов Германских XVIII-го века, ошибся, и обезобразил свои прекрасные создания. Только в Вильгельме Теле, он понял наконец истину событий, и поэзию сей истины. Тель, убивший Гейслера, провозгласивший свободу Швейцарии, и с ужасом отступающий от Иоанна Цареубийцы – вот, где мы удивляемся поэту, и вот, что должен понять и Историк Малороссии, и Поэт, который захотел бы изобразить Казаков, их Наливайку, их Сагайдачного, их Хмельницкого. И не обезображивая истины, они найдут в местных, народных чертах – величайшее богатство; поэзия истинных событий неистощима, и никогда ложные вымыслы не сравнятся с нею!

Все было подтверждено и обещано Хмельницкому и Казакам, когда послы Московские объявили, 8 Января, 1654 г. в Переяславле, что Царь России, «вступаясь за православную христианскую веру, гонимую Королем Яном Казимиром, велел «принять под свою высокую руку Гетмана Богдана Хмельницкого, и все войско Запорожское, с «городами и землями». – В самый день присяги, когда Хмельницкий потребовал предварительно от послов Царских присяги в том, что Россия «не нарушит их вольностей, и дарует им «на их маетности гранаты», Казаки поняли будущую участь свою из ответа послов. Послы вознегодовали, говорили, что требование Гетмана оскорбляет величие

Царя России. Обряд расстроился. Хмельницкий возражал, что он дает веру неизменности Царского слова, но Казаки, не верят. «Вспомни же», отвечали ему Царские послы, «что по-вашему только челобитью, Государь Царь изволит принимать вас под свою высокую руку, что вам надобно помнишь сию милость Великого «Государя, следует служить ему и всякого доброго желать, войско Запорожское к вере привести, а незнающих людей от непристойных речей унимать». Хмельницкий и полковники его заплакали, и – присягнули. Сопrotивление Митрополита, Сильвестра Коссова, человека ученого, но Казака душою, еще более было достопамятно...

Здесь опять заметим, что если Поэзия и дает краски свои Истории, то она не должна быть душою Истории. Кто захочет осуждать политику Польши и России в отношении Казаков, тот не Историк. Для Историка такие отношения не существуют; народы суть орудия Провидения, люди буквы, коими пишет оно летопись, которой ни начала, ни конца мы не видим. История Казаков обольщает наше воображение, но не только в таборе их должен повествовать Историк, но и в Кремлевском Дворце Алексея, и в Карповском домике Петра, чтобы изобразить события беспристрастно. Жизнь Казацкого общества, явившаяся сама собою от обстоятельств XIII века, должна была исчезнуть от обстоятельств XVII-го столетия; Казаки не могли уже существовать, когда рука Провидения лицом к лицу ставила Швецию, Польшу, Турцию, Россию, возвеличивала над жребием других судьбу России, и готовила в ней представительницу Востока против Запада Европы. В сем случае Казаки – только эпизод, блестящий и трогательный; их время было и прошло, когда они сами не были уже необходимостью.

Но, смотря с высшей, философской точки зрения на судьбу Казаков, тем не менее дееписатель их может начертать яркими красками остальную Историю Малороссии с 1654-го до 1764 года. События после Хмельницкого; судьба сына его; Дорошенко, Брюховецкий; отпадение Заднепрских Казаков от России; таинственный старец Мазепа, бессмертный, божественный Петр, и Карл XII, хотевший быть тем же для Европы в начале XVIII-го столетия, чем был прадед его Густав Адольф в начале XVII века, Карл, дерзнувший – вести борьбу

С самодержавным великаном; толпа других лиц, даже этот Павел Полуботок, посещенный Петром Великим в темнице, и сказавший ему перед смертью: «Вскоре Петр и Павел станут на одной доске перед тем, который рассудит дела их»; даже Разумовский, не хотевший пить на придворном обеде за здоровье честных людей, боясь, что мор будет, и согревавший в душе тайную мысль о судьбе Малороссии; самые Запорожцы, резавшиеся с Меншиковым, ведомые Потемкиным в Черноморье, и сим переходом изгладившие решительно память Казачества на берегах Днепра – все это богатые материалы для творения изящного и великолепного! – Не думаем, чтобы Малороссийские уроженцы, действовавшие уже под именем Русских, могли входить в Историю Малороссии. Св. Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Безбородко, и множество других замечательных лиц были Малороссияне, но в них [уже] не существовала Малороссия.

Если, после всего, здесь изложенного, спросят: заменяет ли История Малой России, сочиненная Г-м Бантыш-Каменским, предполагаемую нами Историю Малороссии? – мы, к сожалению, будем отвечать – нет. Малороссия ждет своего Историка и после труда Г-на Бантыш-Каменского.

Труд сего почтенного Писателя достоин величайшей благодарности, за то, что в нем, в первый раз увидели мы обильные материалы наших государственных архив, касательно Малороссии (дотоле, почти безвестные), увидели большое собрание Фактов, извлеченное из Малороссийских летописей и Польских писателей. Все это важно, достаточная заслуга для получения нашей признательности. Но с тем вместе, смело можете поставить в заглавии книги Г-на Бантыш-Каменского, вместо: История Малой России, слова: Собрание исторических известий касательно Малороссии.

Книга Г-на Вантыш-Каменского, в самом деле, есть ничто иное, как расположенное по годам исчисление событий, если угодно, летопись – не более; в этом отношении, она удовлетворяет во многом, хотя и не во всем.

Не ищите в ней ни правильного понятия о составлении и развитии Казачества; ни прагматического изложения событий в течение 5-ти веков; ни Исторического взгляда на разнообразные стороны столь многообразных происшествий, от нашествия Татар до подданства Рожинского Польше, и от Сигизмунда III-го до Екатерины. Лица, события являются, исчезают; чтение утомительно, как чтение сухой летописи. Нет ни характеристики мест, ни очерков природы их, нет портретов, нет живописи. Заключив в 45-ти главах Историю Малороссии, 46-ю, последнюю главу, Автор посвящает характеристике Малороссии и Малороссиян, Географии и Статистике Украины, прежней и настоящей. Все это заняло – 32 страницы, не более, и тут что же находим? Рассказы о Колядках, Русалках, одежде Малороссиян, исчисление (уже повторенное Рубаном, Успенским, Щекатовым) о чинах Малороссийских при Гетманах, о правах, дарованных им некогда Польшею, описание Киева и Чернигова. Нет! Не этого, но характеристики Малороссии и Малороссиян требуем мы от Автора, а она заняла у него из 30-ти едва ли пять страниц, и тут является совсем неверная. Подумаете, читая оную, что Малороссия отличается от Московской губернии, не более как Ярославская, или Владимирская какая-нибудь губерния.

Или Автор сам не видал Малороссии, или видел ее, не хотел узнать различия в характере, образе жизни, мнениях, поверьях, одежде, языке Малороссиян и Русских. Сожалеем, что пределы статьи нашей, и недостаток на месте со- бранных замечаний, не позволяют нам войти здесь в дальнейшие подробности.

Мне удалось проехать через Малороссию только от границ Курской губернии к берегам Азовского моря, и на запад от Харькова до Сум, также видеть Малороссиян в Курской и Воронежской губерниях. Таким образом, только мимоездом можно мне было узнать часть Малороссии, и надобно было дополнять понятия мои об оной из рассказов других.

Под светлым, прекрасным небом разостлались бесконечные степи Украины, о которой еще предки наши писали: «В той Украине небо вельми тихо есть, и лихого поветрия там не слышать не видать». Нам, привыкшим смотреть на мрачные наши леса, пасмурное небо, пески и болота Севера, нельзя вообразить себе полей, движущихся под нескончаемыми волнами хлеба, бахчей, усеянных овощами, долин, где стелется снеговидный ковыль, пажитей, где густые сенокосы закрывают воды речек и ручейков. Никогда житель Севера не вообразит себе зрелища, представляемого, например, течением Псла, скрытого в зелени берегов. Дома наших Русских поселян не дадут также понятия о хатах Малороссиян, складенных из кривых деревьев, обмазанных глиною и выбеленных, где пол заменен крепко убитою землею. Наш неопрятный мужик средней полосы России, с огромными скулами напоминающими владычество Татар, и северный наш крестьянин, чистая Славянская кровь, с светлыми, голубыми глазами и русыми волосами, истинный сын снегов, свободный, гостеприимный, ласковый, совсем отличны от этих, как говорят Французы, барельефных лиц (*personnages des bas-relief*), которые видите в Малороссии. Мужчина, в своей белой свите, в сапогах, или в верзунах, напоминающих Скифа, с видлогою на спине; женщина в белой рубашке, с Шотландскою плахтою по поясу; полудикий погонщик, который, в дегтярной рубашке, лениво переступает, гонит волов и беспечно курит люльку – вот Малороссияне! В угрюмом, важном лице мужчины, в его высоком росте, подбритой голове, длинных усах, скрытой деятельности души, угрюмом взоре, отрывистых словах – вы открываете древнего Русса, смешанного с диким Азиатцем, Половцем, Черкесом, Черным Клобуком. Одежда показывает вам в то же время три века власти Литовца и Поляка. Малороссиянин тяжел, молчалив, не словоохотен, не кланяется, подобно Русскому крестьянину, не обещает многого; но он хитр, умен, дорожит словом и держит его. Как Русский весь для настоящего, так Малороссиянин есть человек прошедшего времени. Хотите ли его ласки, его дружбы: не испугайте его излишнею навязчивостью – он недоверчив; польстите его Казачеству – он горд бывалым; вспомните с ним о былом, подивитесь его предкам... лице его оживляется, движется, сердце

бьется сильнее; он разделит с вами беседу, допустит вас в свое веселье, и тогда вы услышите его поэтическую думу, его степную песню, удивитесь особенной веселости его горлицы, мятелицы, журавля, шуме и гуде.

Народная поэзия Русских вся в настоящем, вся в окружающем их быту. Царев кабак, красная девица, заботы любви грубой, ревности простонародной, сравнения с березою, сосною, с голубкою, с ущицею – таковы нынешние наши песни, к коим не должно причислять старых баллад, разбойнических и солдатских песен. Песня Малороссиян вся в прошедшем. Как хорошо понимал Мицкевич народную песню, говоря, что она «радуга соединения прошедшего с настоящим», что ею «передает народ трофеи предков, цепь воспоминаний и цвет чувства»!

Sluchalem piosnek – nieraz kmiec stoletni,
Tracajac kosci zelazem oracze'm,
Stangl, i zagral na wierzbowej fletni
Pacierz umarlych; lub rymownym placzem

Was glosil, wielcy ojcowie-bezdzielni.
Echa mu wlorz^, ja stuchalem zdala,
Tym mocniej widok i piosnka rozzala:
Zem byl jedynym widzcm i slucbaczem.

В Малороссийских Песнях, изданных Г-м Максимовичем, найдут читатели примеры песен Малороссийских всех родов: песен Казацких, о том, «как вечной памяти бывало в Гетманщине некогда». Эти песни несравненны, это дикая Поэзия степей, живущая воспоминаниями, и забывающая, что для неё все давно пролетело и исчезло! То видите покрытое туманом поле, слышите шум в дубраве: мать гонит сына на бой, сестры ведут коня, спрашивают брата, когда он воротится: «Возьми желтого песку, отвечает Казак, «посей его на камне, поливай его по зорям слезами; когда взойдет песок, тогда я приеду!» – То гудит ветер, шумит трава, Казак, убитый, лежит в степи, голова его пала в куст, осока закрывает ему очи, орел клюет его тело, конь его стоит в головах. «Будь братом мне, сизый орел,» говорит Казак. «Когда ты станешь выдирать из лба моего очи, передай весть старой моей матери; скажи, что я служил у Пана Хана, Крымского добродее, и вот что выслужил – могилу!» – Таковы песни Араба, Клефта, дикие, странные, живыми образами говорящие! Особый род песен называется в Малороссии женскими: их мало поют мужчины. Здесь слышна только тихая печаль о разлуке, песня Ярославны вторится в тысяче образов, виден ужас набегов и хищений вражеских, притеснение Украины и Казаков: это слезы Казачек, замерзнувшие от северного холода... Многие голоса Малороссийских песен прелестны. Вообще Поэзия народная есть стихия Малороссиян: лучшие придворные певчие выбираются из них. – Донные сохранились еще в Малороссии старинные трубадуры, большею частью слепцы. Играя на кобзах, они ходят из села в село; приход их есть торжество селения. Вечером собирается толпа народа; на высоком месте в хате садится певец. Все безмолвствует; он поет думы о Мазепе, о Хмельницком, о Наливайке и Палее. Часто слезы текут по загорелым лицам и длинным усам слушателей, когда он восклицает в песне: «Давно было и прошло! Не згадашь нам Хмельниченка; воевали мы, и не будем уже более воевать, хотя и повек не забудем той доли, и того счастья! И теперь еще Казацкое сердце не боится Турков, но сабли наши заржавели, и у ружей нет курков». Такова другая прелестная дума о Хмельницком: «З низу Днепра тихий ветер вее, повивает (веет, веет, повевавет тихий ветер с Днепровских вод)!» Десять дум Украинских бандуристов изданы были Князем Цертелевым (Опыт собрания старинных Малороссийских песен, СПб. 1819 г.). Песня: Ой беда, беда чайце небозе, которую сочинил Хмельницкий (по мнению Князя Цертелева) или последний Запорожский Атаман, Калнаш (по мнению Г-на Бантыш-Каменского) была некогда строго запрещена; она слишком шевелила сердца Малороссиян.

Скажем мимоходом о Малороссийском языке, что его неправильно почитают испорченным Русско-Польским наречием. Это древний Славяно-Русский народный язык, которым говорили в Киеве и Южной Руси. Он принадлежит к Славянскому народному, Восточного отдела (от коего произошел нынешний Русский) точно

так же, как Испанский к Латинскому. Видно, что он утратил множество древних форм, но зато сохранил другие в первобытной простоте, например: в будущих временах изъявительного наклонения соединение глагола иметь, иметь, с другими глаголами (спиватьму, спиватемо, спиватимешь, спиватьмете, спиватьмем, спиватьмут), окончание неопределенного на ти, и проч. — Мнение, что он принадлежит к Западному отделению Славянских языков совершенно ложно. Ученый Шаффарик справедливо соединил с ним наречие Русняков и Рутенов, Волынских, Галицких, Буковинских и Северо-Венгерских (*).

{

(*) В Вестнике Европы (1830 г. №4, стр. 331) жестоко укорили Издателей Польской газеты: Tygodnik Petersburski, сказали даже, что они сеют плевелы, и все это за слова их, что Русского наречия Славян должно считать до 35 миллионов. «Не говоря уже», продолжает Вестник Европы, «что известие сие, если бы оно было и справедливо, с большим приличием могли бы они взять из источника не столь мутного, мы повторим здесь давно уже им самим известное». Мутный источник

значит Историю Русского народа, мною издаваемую, из коей взял свое замечание Tygodnik. По неприличию слога статейки, и по невежеству, какое нахожу в ней, думаю, что ее писал не сам почтенный М. Т. Каченовский. Во-первых, Сочинитель статейки исковеркал мои слова. Я сказал, и Tygodnik повторил: Русского наречия; В.Е. говорит Российского, а это большая разница. В первом есть смысл, второе бессмыслица. Во-вторых., В.Е. утверждает, что Велико-Русским наречием (т.е. Российским, как называет он) говорит едва ли половина Славян Европейских (?!), обитающих в пределах нашего отечества, «ибо другая их половина говорит диалектом южных Русинов, которыми наполнены Западные наши губернии, Малороссия, Галиция, Буковина, часть Венгрии, и проч». — Незнание Географии и Статистики, едва постижимое, не упоминая уже о решительном незнании Истории! Жаль, весьма жаль (что почтенный Редактор Вестника Европы допускает подобные статьи в свой Журнал: они вредят ученой его славе.

}

Он кажется нам непонятным по причине южного смягчения гласных (я вместо а; ы вместо и; і вместо о) отвердевших на Севере. Это же причиною опущения слогов (например: в изъяв. наклонении глаголов, вместо: кличет, свищет — кличе, свище). Кроме того, в нем множество слов нам незнакомых: Польских, Латинских, Восточных древних и новых (*). Произношение его вообще приятно и легко. Кажется, что главное разделение оного можно принять

{

(*) Например: слов, из языков древних поколений Саков, или Турков. Закключаю так, найдя в Малороссийском языке слова Половецкия. Дрогоценная находка Половецкого Словаря, может быть, известна не всем занимающимся Русскою Историей. Сей Латино-Персо-Половецкий Словарь, содержащий в себе около 2500 слов, составлен был в 1303 году, неизвестным путешественником, Итальянцем. Рукопись подарена была потом Петрарком Венецианской библиотеке. Клапрот получил список с неё через известного Сальфи, и напечатал оный в 3-й части своих Memoires relatifs a l'Asie (Париж, 1828 г.). Желая сделать сию драгоценность доступною наблюдениям моих соотечественников, я намерен издать Половецкий Словарь особою книжкою, с Русским переводом и пояснениями, если буду иметь более досуга в будущем году.

}

на Восточное (Харьковское) и Западное (Киевское) первое грубее, второе подходит к Польскому. Заметим здесь, что если в этом видно влияние Польской власти, то еще более видно оно в книжном языке и дипломатическом слоге Малороссиян XVI, XVII и XVIII-го веков. Это было какое-то щегольство Польскими и Латинскими фразами, словами, и ломанье синтаксиса, похожее на книжный язык наших древних писателей. Так писали Русско-Немецким языком у нас в начале, и Русско-Французским в конце прошедшего века. Литература книжного, мнимого языка Малороссиян любопытна, ибо основанная на схоластическом умствовании, она имела сильное влияние на Русскую литературу XVII-го века, ввела к нам силлабическое стихотворение и Схоластику западную. Народное Малороссийское наречие не богато письменностью. Мы знаем

Климовского, Казака-поэта, сочинителя песен; Котляревского, переложившего Энеиду на изнанку (это любимая книга всех Малороссиян; мне случилось читать ее с простолюдными Малороссийскими, и они были в восторге). В новейшее время являлись опыты стихотворений на Малороссийском народном языке, но поэты не понимали, кажется, что такое народная поэзия. Забыв свою поэтическую сторону, свою поэтическую Историю, они — переводили Мицкевича, Гёте, Биргера...

Разумеется, что взгляды на Малороссию со всех сих, поверхностно означенных нами, сторон, желали мы найти, и не нашли в характеристике, которой посвятил Г-н Бантыш-Каменский 46-ю главу своей Истории Малороссии. Выше мы сказали, что книга почтенного Автора не во всем удовлетворяет нас, даже и тогда, когда смотреть на нее только как на хронологическое собрание Фактов, или летопись. Объяснение причин завело бы далеко. Скажем несколько слов:

1. Автор смешался в происхождении Малороссиян: считает их колонией горских Черкесов, и с тем вместе чистыми Руссами. От сего начинает он Историю Малороссии Полянами, Древлянами, и 108 страниц занимает просто Историей древних Руссов, Татарским нашествием, Литвою. Тут, все старое, все Карамзинское, а иное и до — Карамзинское повторено им, или, лучше сказать, списано, без всякой критики. Мелочи, пустяки вошли в его текст, вовсе без нужды.

2. Почитая Казаков Россиянами, Автор не мог уже понять их быта, их отдельности, их особенного появления, и от того вся История Малороссии получает у него то ложное направление, о котором мы говорили выше (стр. 80–82).

3. Автор не всегда был строг в выборе и критике материалов. Энгель для него святая истина; Солиньяк авторитет в Польской Истории; слова Шафонских и Конисских почитаются фактами, когда они явно неверны.

Довольно. Не будем замечать частных ошибок (например, что Тевтонских Рыцарей называет Автор Немецкими Кавалерами; что он употребляет названия: Малороссия, Малороссиянин с древнейших времен, без разбора, и проч.), и повторим, что не смотря на книгу Г-на Бантыш-Каменского, достойную великой благодарности, Малороссия ждет еще своего Историка.

Н.П.